

Выход всегда есть.
Искренне ваша, Дверь

Клубок из сюжетных линий прежде чем образовать узор распадается на узелки, которые всегда последовательны. Лишь иногда они нарушают порядок, чтобы доставить суть романа в нужное время в нужное сердце.

От Автора

Психо 1

Дождь капает, снег идет, время бежит. У Вселенной обычная утренняя зарядка. Мало того, что он постоянно сидел в ее голове, так иногда начинал бродить туда-сюда. Не было больше выхода, как налить ему бокал вина, чтобы он угомонился. В итоге вчера налила два. Благо, что сегодня суббота. Она встала с постели, потянулась, достала, достала всех.

* * *

Я шла по улице, дома останавливались, долго смотрели, потом отворачивались от меня и в конце концов отставали. Может, походка выдавала, что я немного волновалась, ища поддержки, вглядывалась в небо. У неба были серые глаза, и это успокаивало.

— Добрый день, — сказала она в самые жабры домофона. — Мне нужен доктор Аурта.

— Добрый день. Вы по какому вопросу?

— По щепетильному.

— По щепетильному? — переспросили жабры поставленным мужским голосом.

— То есть мне нужна консультация. Я вам звонила две недели назад, может, помните?

— Хорошо, заходите, — засвистел доброжелательно вход, будто зеленый на пешеходном переходе дал добро. «Не помнит», — отметила про себя девушка. Потянула тяжелую дверь за ручку.

— От себя, — помог ей тот же голос. Теперь уже дверь схватилась за ее ручку и потянула на себя.

Я провалилась в подъезд, дверь за спиной закрылась, и оставила на пороге всякие сомнения. Внутри дома было тихо, пахло сталинизмом, за стеклом сидела бабушка в очках и что-то плела, то ли сплетни, то ли интриги. Увидев меня, она еще сильнее прижалась губами к телефону и встала, в это время сдвинулся с места лифт. Показалось даже, что между лифтом и ее посадкой есть какая-то связь. Тяжелый, древний, он надвигался на первый этаж. Бабушка поправила стеклянные глаза и, ничего не сказав, села дальше плести свои кружева. Лифт сразу же остановился. «Прямая связь». Я под-

нялась по каменным ступеням. Лифт открылся, навстречу вышла та же самая бабка: «Вы к кому?» — «К доктору Аурта». — «Это второй этаж. Пешком вам будет ближе», — захлопнула она по-хозяйски его дверь. «Надо же? А пока молчала, была бабушкой». Ступени подняли меня на второй. Я остановилась напротив выдающейся двери под номером двадцать два, обитой черной кожей, и решительно позвонила. Через минуту замок тяжело захрустел суставами и открыл вид на мужчину в джинсах, рубашке и тапочках. «Неужели это доктор?»

— Проходите, — успокоил он девушку одним только словом. — Администратор сегодня ушла раньше, сам в роли портье.

— Мне кажется, одну из них я встретила, когда заходила в лифт.

— Вы про этих двух милых сестричек?

— Сестрички?

— Старушки тоже бывают близнецами. Я, когда в первый раз их увидел, думал, что у меня раздвоение сознания. Потом привык. Им 180 на двоих.

— Солидно, — начала осваивать обстановку девушка. Тяжелая массивная мебель провожала ее из гардероба, где она оставила свое пальто, в кабинет, стены которого были из шкафов с книгами, последние теснились в очереди за стеклом

с одним желанием: «Отдамся в добрые руки». Стены из кирпича, стены из букв, я — стена, доктор — стена, с той лишь разницей, что он уже открыл мне дверь, а мою? Я пришла за тем, чтобы он помог мне ее открыть.

— Присаживайтесь, — предложил психолог девушке место в большом кресле. Сам сел в другое, по диагонали, напротив. Хорошо, что стол остался сбоку и не мог нас разделять, иначе я непременно начала бы туда писать свои мысли. Дайте мне стол, и я найду, что туда написать.

Девушка играла в нерешительность. Было что-то нетронутое, несорванное в ее смуглом образе, будто пришла на съемки к Давиду Гамильтону, но не успела еще скинуть с себя теплое кремовое платье. Тот самый случай, когда образ еще не стал негативом.

— Садитесь, почувствуйте себя как у меня, — указал Герман на кресло, стоящее у стола.

Только теперь девушка как смогла украсила вискозным кремом кожаное кресло. Кресло показалось ей без удобств.

— Как вас зовут?

— Кто? — лягнула внезапно девушка, исследуя кресло пятой точкой. В кресле было неудобно, не кресло, а чужая тарелка, из которой ее скоро психолог должен был съесть. Даже ее 42-й размер ни-

как не мог найти себе места. Наконец, она закинула одну ногу на другую, колени встали одно на другое, как звенья в одной цепи. Теперь руки, не найдя им место, положила сверху на колени. Закрылась.

— Друзья.

— Друзья — Саня, Саша, родители — Шура.

— Очень приятно, Александр. Я — Герман Николаевич, для друзей — немец, для родителей — Гера.

— А почему немец? — стала она усиленно искать его во мне, будто хотела увидеть срочно подтверждения в виде каски, свастики, Rammstein, на худой конец элегантного акцента.

— Герман — Германия — немец.

— Логично.

— Вам что больше нравится?

— Герман... Николаевич, — добавила она после паузы, рассматривая доктора. «Странный какой-то». У Саши не было большого опыта общения с психологами. Но доктора Аурга она представляла другим. Взрослого, в теле, в очках, с бородкой. В этом не было ничего похожего. «По крайней мере спокойный, но добрый», — заключила она про себя.

— Можно просто Герман, для экономии слов.

— Хорошо, Герман. Шла к вам долгих две недели, — в собрании сочинений заинтересовали Шуру часы на стене.

— Разве это долго? Две недели — это всего две субботы.

— Вы все субботаами меряете?

— Не я, все так живут.

— А для меня это вечность, — все еще не могла оторваться от часов Саша. Собственно это была рама от картины, в которую вставили цифры и стрелки. Оригинальности добавляло то, что рама была вытянутой, словно панорамный снимок... времени.

— Это потому что вы думали об этом постоянно.

— Это правда. И еще — о вашем слогане, он никак не выходил из головы:

«Выход всегда есть. Искренне ваша, дверь».

— Неплохо, — удивленно натянул бровь как тетиву доктор, будто хотел стрельнуть взглядом на поражение.

— Вы сами это придумали? — увернулась от выстрела Саша.

— Нет, дверь.

— Вы смешной.

— Да, бывает, а вы... по какому вопросу? — снова попытался смутить пациентку доктор.

— Я тоже смешная, но вопрос сложный. Я даже не знаю, с чего начать, — на мгновение приоткрыла замок, но тут же снова захлопнула

и вернула ладони на свое колено Александра. — А теперь он мне показался еще сложнее.

— Почему?

— Вы совсем не похожи на психолога.

— А на кого я похож?

— Самое большое на педиатра. Взгляд слишком добрый, хоть вы и пытаетесь быть серьезным. Прямо не удивлюсь, если вы мне сейчас дадите игрушку, чтобы я вела себя тихо. Чтобы не заплакала.

— Это можно, только накину жилетку, — сделал вид, что поднимается Герман.

— Давайте без спецодежды, — засмеялась пациентка.

— Чем серьезнее я отношусь к миру, тем несерьезнее к себе. Игрушек, правда, нет. Могу дать четки, взял он их со стола и показал Саше.

— Что с ними делать?

— Перебирать.

— Боюсь, это будет перебор. Если я начну перебирать все свои проблемы, у меня денег не хватит на следующий визит.

Смуглая кожа, темные волосы, широкие плечи, худые впадины над ключицами и едва уловимый аромат симпатии. Лицо, да, пожалуй, что лицо. Что-то с ним было не так, большие томные глаза. Два черных солнца садилась в белые моря.

Глаза внушали доверие, встретить которое – большая редкость сегодня.

– Так что вас ко мне привело?

– Я изменяю мужу.

– Хо-ро-шо, – растянул Герман «только начнешь доверять человеку».

В кабинете повисла пауза, в которую уместилась целая сцена. Герман представил, как Шура возвращается домой.

Капоте

Впервые Тино увидел ее на День города, когда она, маленькая принцесса, проехала рядом с его носом по центральной улице. Он сидел на плечах отца, которого теснила толпа зрителей на тротуаре, она – в открытой карете, с розовым бантом улыбалась прямо в него. Эта роза проткнула его душу, с первого взгляда взяла и превратилась в куст приятных воспоминаний и приятных грез. После этого он постоянно искал встречи с ней, будь то День города, Рождество или другой праздник, выматривал в полисаднике знати свою розу. Лишь через несколько лет, когда отец взял его на корриду, Тино нашел ее в бинокль в ложе для почетных

гостей. Она выросла, расцвела, только роза уже на плече и красного цвета.

— Кого ты там высматриваешь?

— Это дочь герцога? — передал бинокль отцу и указал на трибуну напротив, щурясь от солнца, которое в этот день палило как никогда, как никогда в лицо, потому что трибуны в тени стоили бешеных денег.

— Их там две. Виктория и Хуана.

— Вторая некрасивая.

— Это Хуана.

— Вырасту — женюсь на Виктории.

Отец ничего не ответил, только усмехнулся и пригладил рукой свои черные усы. Он всегда так делал, когда хотел ответить что-нибудь дерзкое, будто успокаивал свои губы, чтобы те не лягнули лишнего.

— Я знаю, все принцессы влюбляются в тореадоров.

— Ты же собирался быть музыкантом?

— Сам всегда говоришь, одно другому не помеха, — повторил он любимую отцовскую присказку.

— Даже не думай. Да и поздно тебе уже.

— Почему поздно? Пако из соседнего двора ходит в такую школу. Правда, пока вместо быков у них там тачки с рогами. Видел?

Отец кивнул в знак согласия: «Не будь дураком», — взлохматил он челку Тино и улыбнулся.

Сын снова взял бинокль у отца и стал рассматривать ворота, из которых должен был выскочить бык.

— Мы всегда будем на солнце, они в тени, под покровительством больших денег, — продолжал отец перечислять аргументы неравных сословий. — Нам до них, как до Луны на осле.

— Правда, что тореодоры все миллионеры? И денег у них куры не клюют?

— Клюют, еще как клюют. Заведется такая цыпочка, — махнул рукой на девочек из ложи отец, — и все может выклевать, особенно глаза. Сколько я их знал, молодых, талантливых, ослепших от любви. Хотя бы Хосе Мерчер, какой был матадор, связался с одной цыпой, все на нее тратил. Как он дрался! Все ради нее. А когда бык разорвал ему рогами грудь, дамочка вдруг исчезла, нашла себе другого лопуха. Хосе тогда еле выжил, а карьера коту под хвост.

— Все ради нее, — повторил Тино. — Кажется, я влип.

— Что ты говоришь?

— Ничего. Так обычно говорит дядя Пако. Так сколько они зарабатывают?

— Откуда мне знать, одно знаю, что зарабатывают лишь самые именитые из них. Остальным матадорам хватает только на то, чтобы залечивать раны после боев. Еще и со всей своей командой надо поделиться.

«А тебе, отец, разве самому не хотелось когда-то рискнуть, вырваться, стать не тем, кем получилось, а тем, кем хочется». Пекарня, которая досталась ему в наследство от его отца, а тому от деда, где вставать надо в 4 утра, чтобы идти к печке, закладывать хлеб, а вечером допоздна месить тесто на следующий день. И так каждый день, без праздников и выходных, хлеб без зрелищ. О чем ты думаешь, отец, когда месишь свой хлеб? Твои движения похожи на то, что ты все еще убиваешь свою мечту. Она не хочет умирать, ты ее в печь, но и этим ее не убить. Ты раздаешь ее по кусочку всем, кто покупает твой хлеб. Возможно, поэтому он такой вкусный. Но и этим мечту не уничтожить. Снова и снова она поднимается ни свет ни заря вместе с тобой, вместе с тестом, чтобы быть избитой твоими сильными руками. Мечты не горят, не умирают, они передаются по наследству».

«У них такие красивые плащи», — ушел в бинюк Тино и прошел по нему за деревянные кулисы, где готовились к представлению матадору.

Психо 2

Герман представил, как она приходит домой, снимает с себя плащ или внимательный муж, открыв дверь, помогает ей раздеться. Одновременно вдыхая с ее шеи аромат духов и духов чужого мужчины, которого он не чувствует, даже не может допустить. Как он может допустить кого-то к своей жене? К своей верной супруге, с которой у него одна общая кожа. Что там кожа, общие части тел, которые так или иначе они дают друг другу в пользование, пока вместе укрупняются одним чувством.

А что она? Она сама невинность. Только голос немного дрожит, хотя держится молодцом, держится за прямой позвоночник. Вид у нее счастливо усталый, как приходят с любимой работы. Она ни в чем ему не откажет. Сегодня она его кожаная софа.

Раздевшись, она вошла в ванную. Зеркало ничего не заметило. «Вот и хорошо». Саша ополоснула лицо и почувствовала, как муж засунул ей руку под бюстгальтер и взял грудь: — Спать, спать, спать, — сказала одна грудь другой. — Я не могу, у меня гость. И вообще, я не хочу спать — ответила вторая.